

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.04

В. И. Павлов

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
Минск, Беларусь,
vadim.i.pavlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2867-1039>

**КАТЕГОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА**

Аннотация. В статье исследуется категория правовой реальности в рамках одного из современных направлений фундаментального правоведения — антропологии права. Обосновывается, что каждая общеправовая концепция обладает свойственной ей правовой онтологией и характерным для нее пониманием правовой реальности и права как явления. В антропологии права модель правовой онтологии определяется познавательными принципами и общей эпистемологической установкой данного направления, выражающейся в центральном положении человека среди всех других элементов правовой реальности. На этом основании доказывается, что модель правовой онтологии имеет антрополого-фундированный характер. Поскольку человек в антропологической концепции права представлен в совокупности своих субъектно-правовых и личностно-правовых характеристик, постольку с учетом принципа человекомерности права и сама правовая реальность представляется в качестве двухуровневого образования как синтеза личностно-правового и институционального уровней правового бытия. В отличие от позитивистско-аналитических направлений, придерживающихся отождествления правовой реальности с реальностью юридического долженствования, в антропологии права обосновывается синтез сущего и должного в праве, достигаемый в фигуре правового деятеля.

Ключевые слова: правовая реальность; антропология права; человек в праве; правовой деятель; онтология права.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.04

V. I. Pavlov

National Center for Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus,
vadim.i.pavlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2867-1039>

**THE CATEGORY OF LEGAL REALITY
IN THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF LAW**

Abstract. The article examines the category of legal reality within one of the modern areas of fundamental law — anthropology of law. It is substantiated that each general legal

concept has its characteristic legal ontology and a characteristic understanding of legal reality and law as a phenomenon. In the anthropology of law, the model of legal ontology is determined by cognitive principles and the general epistemological attitude of this direction, expressed in the central position of a person among all other elements of legal reality. On this basis, it is proved that the model of legal ontology has an anthropic in the fundine character. Since a person in the anthropological concept of law is presented in the aggregate of his subject-legal and personality-legal characteristics, so much, taking into account the principle of humanity of law and legal reality itself, as a two-level education as a synthesis of personal legal and institutional levels of legal life. In contrast to the positivist and analytical directions adhering to the identification of legal reality with the reality of legal obligation, the synthesis of the existing and due in the law achieved in the figure of a legal figure is justified in the anthropology of law.

Keywords: legal reality; anthropology of law; person in law; legal figure; ontology of law.

Введение

Антропология права как одно из современных направлений правовых исследований представляет собой компонент фундаментального юридического знания, формирующийся в рамках двух основных исследовательских линий: теоретико-методологической и юридико-этнографической. Несмотря на взаимосвязь, данные познавательные линии представляют собой самостоятельные направления антрополого-правового познания, прежде всего в методологическом плане. Если юридико-этнографическая линия антропологии права сконцентрирована на традиционном сравнительно-правовом познании особенностей действия права в контексте правовых культур и традиций народов, наций, этнических групп в рамках различных государств, то теоретико-методологическая линия связана с разработкой методологии антрополого-правового познания как своего рода аналога традиционному формально-юридическому взгляду на социальную реальность. В таком контексте об антропологии права нередко говорят как о направлении развития современной постклассической юриспруденции [6, с. 142; 19; 23; 29], поскольку в ее основу положены такие методологические концепции, как социальный конструктивизм, антропология, феноменология, герменевтика и т. д.

Все разнообразие современных антрополого-правовых исследований осуществляется в рамках единой антрополого-правовой научно-исследовательской программы, которая развивается и конкурирует в одном гносеологическом пространстве как с другими постклассическими программами или парадигмами (коммуникативная, герменевтическая и др.), так и с традиционными подходами в теоретической юриспруденции (юснатурализм, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция). Одним из первых о формировании антрополого-правовой научно-исследовательской программы на постсоветском пространстве высказался И. Л. Честнов — лидер Санкт-Петербургской школы постклассической антропологии права [33, с. 59–72].

В рамках антрополого-правовой программы разрабатываются различные антрополого-ориентированные подходы, концепции, исследования как общетеоретической, так и отраслевой направленности. Всех их отличает единство в главном, в исходных основаниях правового познания, выражающихся в ориентации на человека как на главный элемент права, на выявление связей человека как правовой личности с другими элементами права. Однако имеются и различия, связанные, прежде всего, с составом и пониманием базовых элементов антрополого-правовой теории и ее понятийно-категориальным аппаратом. Понятийно-категориальная неоднородность антропологии права на современном этапе ее развития отчасти является нормальным явлением, поскольку направление находится в стадии своего становления и апробации собственных концептуальных средств познания. В то же время исследований, посвященных этим вопросам, не так много, но именно они являются сегодня наиболее востребованными, поскольку вырабатывают базовые единицы антрополого-правового мышления. В настоящей статье мы остановимся на познании категории правовой реальности как одной из базовых в разрабатываемой автором антропологической концепции права.

Методы

Методологической основой исследования являются положения антрополого-правового подхода, которые одновременно рассматриваются и как предмет познания в связи с анализом категории правовой реальности и гносеологических принципов антропологической концепции права. Применительно к понятию человека как правового деятеля используются положения экзистенциально-онтологической методологии познания субъектности. Наряду с антрополого-правовой методологией применяется и традиционный юридико-догматический подход, а также общенаучные и частнонаучные методы правового познания.

Основное исследование

1. В современной литературе справедливо отмечается, что сегодня «антропология права стоит перед проблемой разработки теории самой себя, а именно теории своего предмета, своей методологии, своего категориально-понятийного аппарата» [6, с. 142]. Важнейшее значение для формирования понятий и категорий имеют исходные установки антрополого-правового познания, которыми выступают познавательные принципы концепции. Центральным принципом антрополого-правового познания является *принцип человекомерности права*, в соответствии с которым право и все его элементы анализируются только в связи с действующим в них человеком, представленным в качестве

правового деятеля. В отличие от традиционной общеправовой теории, изучающей закономерности развития и функционирования права как институционального явления, антропология права направлена на познание закономерностей развития и функционирования права как человекомерного явления — посредством существующего в праве человека. При этом понятие «человек в праве», либо как его аналог понятие «правовой деятель» выражает не только юридико-догматические, то есть субъектно-правовые характеристики лица, связанные с правоспособностью, дееспособностью и правовым статусом как формально-юридическими признаками правовой персональности. Понятие человека как правового деятеля включает в себя более широкий круг антропологических характеристик, имеющих юридическое значение и являющихся значимыми для права: саму правовую личность, личностные правовые ценности, индивидуальное правовое сознание, правовое мышление, правопритязание и т. д. Ориентация познания на человеческое измерение права в связи с таким образом лица как правового деятеля и составляет особенность антрополого-правовой методологии.

Принцип человекомерности права как исходная установка познания оказывает влияние практически на все компоненты антрополого-правовой концепции, в том числе и на формирование ее языка. Уже в силу антрополого-правовой специфики понимания лица в сфере права, представленного как субъектно-правовым, так и личностно-правовым уровнями правовой персональности, а также с учетом человекомерности как главной гносеологической установки, базовые категории антрополого-правовой концепции приобретают строго определенный онтологический статус. Речь идет об используемой в антропологии права *онтологической модели*, то есть о том, как представляется с антрополого-правовой точки зрения само *бытие права*, его осуществление в актуальной реальности и каким образом оно выражается в правовых понятиях и категориях.

Во всех антрополого-правовых подходах онтология права понимается, как правило, человекоцентрично и всегда рассматривается под антропологическим углом зрения. Это означает, что правовое бытие понимается в конститутивной связи с правовым деятелем, то есть как правовое существование человека в связи с правовыми нормами и фактами. В антропологии права бытие права всегда рассматривается человекоцентрично, поэтому ядром такой онтологии выступает антропология. Такая антрополого-фундированная онтология права предполагает понимание его бытия не как некоторой отдельной от человека правовой сущности (правовых процедур, механизмов, систем, институтов, объективированных в законодательстве норм, источников права и т. д.), но как бытия человека в праве, правового деятеля в данных правовых сущностях и в связи с ними. Поэтому сам по себе анализ функционирования права как системы норм и институтов без учета их человеческого измерения представляет уже иную правовую онтологию, в рамках которой сущность права не связывается с действующим в нем человеком. Антрополого-ориентированная онтология права, таким образом, основана на утверждении правового бытия как практики существования человека как правового деятеля, который

представляется в активной позиции и к нормативной системе права, и к фактической правовой жизни.

2. Базовой категорией, характеризующей бытие права, его онтологический статус, является *категория правовой реальности*, которая предельно описывает сферу правового, то есть границы, в рамках которых разворачивается область юридического. Правовая реальность является, таким образом, онтологической, бытийной категорией, поскольку определяет наше исходное представление о праве и его границах. В зависимости от того, как понимается правовая реальность, так в рамках той или иной правовой концепции представляется и картина сферы правового, на основании которой, в свою очередь, можно сделать вывод о типе правовой онтологии, использующейся в рамках концепции.

Категория как единица мышления и описания реальности является наиболее абстрактным, предельным выражением объекта. Как отмечал В. Н. Борисов, категории есть «всеобщие мыслительные формы... <...> ...выражающие различные стороны (определенности) любого конкретного сущего» [4, с. 23–24]. Поэтому категории есть фундаментальные, основные понятия любой теории или концепции; они выражают ее теоретическое ядро, максимально обобщая особенное, специфическое в ее предмете. На этом основании категории составляют часть методологии концепции, поскольку являются инструментом ее теоретического познания. Конструирование категорий не сводится только к формально-логической обработке выражаемого ими содержания. Еще А. М. Васильев обращал внимание на то, что образование категорий представляет собой «диалектическую обработку материала, при которой обнаруживаются внутренне необходимые и существенные свойства правовых явлений и процессов, общее раскрывается в особенном, отдельном, частном, богатство отдельного включается в общее» [5, с. 83].

Как уже отмечалось выше, категория правовой реальности и в онтологическом, и в гносеологическом аспектах указывает на сферу, в границах которой осуществляется правовое бытие. В онтологическом аспекте правовая реальность представляет собой мир права, данный правовому деятелю через опыт, в гносеологическом — картину правовой реальности как ее познавательную модель. В зависимости от познавательной модели, избранной в рамках концепции, мы получаем не только определенную картину мира права, но и соответствующую интерпретацию поведения людей, участников правового общения в рамках данной познавательной позиции вместе с восприятием ими права как явления.

3. Различие видов социальной реальности и определение природы правовой реальности обсуждалось правоведами еще в начале XX в. Уже в тот период было сформулировано положение о различии идеальной и материальной, эмпирической реальности, а также о невозможности сведения правовой реальности к эмпирической действительности [обзор позиций см.: 7, с. 101–187]. П. И. Новгородцев отмечал, что «право есть отвлеченная мыслимая связь, далеко не соответствующая конкретной действительности, которая не покрывает и не исчерпывает той мыслимой связи и в случае нарушения права может

становиться с ней в противоречие» [16, с. 551]. И вместе с тем указывал, что «конкретная жизнь вносит много изменений, дополнений и корректур в отвлеченные требования права, которые... имеют отношение не к конкретному бытию, а к абстрактному долженствованию» [16, с. 55].

В современной юриспруденции существуют различные подходы к пониманию правовой реальности, однако в целом они могут быть сведены к двум основным группам. В рамках первой группы, формируемой под влиянием идей позитивистско-аналитической традиции в юриспруденции, правовая реальность понимается как особая сфера нормативного долженствования, отличная от мира фактичности [см.: 2; 3; 8]. Согласно этой позиции «право представляет собой особый род бытия, причем идеального, суть которого состоит в долженствовании, и эта сфера конституирует человека как человека» [7, с. 125]. Вторая группа основывается на включении в правовую реальность не только сферы нормативного долженствования, но и фактической социальной среды, то есть сферы сущего, обладающей юридической значимостью [9; 12; 18; 20; 22; 24; 32]. В литературе иногда эти два подхода называются соответственно интерналистским и экстерналистским, возводя первый к идеям Г. Кельзена и К. Савиньи, второй — к направлениям, синтезирующим различные гуманитарные дисциплины и методологии [7, с. 208–211].

Позиции юридического концептуализма, связанные с ограничением правовой реальности только сферой нормативного долженствования, в последнее десятилетие значительно усилились. Это связано с разработкой новых философско-аналитических концепций, прежде всего деонтической логики, способствующей укреплению логико-позитивистских начал в теоретическом правоведении [17, с. 28]. Кроме того, в рамках постклассического правоведения был обоснован ряд положений, ослабляющих традиционное юридуко-догматическое представление о правовой реальности и в то же время высвобождающих пространство для развития позитивистско-аналитических начал в правоведении. В частности, это положения о методологической невозможности при правовом познании избежать интерпретативной деятельности субъекта, о конструктивистском характере социально-правовой реальности, о запрете на реификацию социально-правовых явлений и методологическую установку «наивного реализма», о проблематичности применения в социальных науках корреспондентской теории истины и др. [21; 25; 30; 32, с. 87–100]. Несмотря на то что из данных положений постклассической методологии не следует утверждение об отождествлении правовой реальности со сферой нормативного долженствования в неокантианском стиле, тем не менее акцент в постклассике на языке и конструируемости правовой реальности неявно *ослабляет связь должного и сущего, нормы и факта* и дает основания для релятивизации правового познания. Вместе с тем главное значение постклассической правовой методологии для развития юридической науки, на наш взгляд, заключается в выявлении закономерностей правового познания, которые позволяют уяснить и преодолеть недостатки классической новоевропейской методологии: без учета

этих закономерностей правовое познание будет неполным. Прежде всего, это понимание права и правовой реальности не как универсальных, а как социокультурно и исторически контекстуальных, а значит, вариативных явлений, опосредованных лингво-смысловой и конструктивной деятельностью человека как правового деятеля, что в целом указывает на человекомерный характер права.

Г. А. Гаджиев для описания правовой реальности выдвинул идею «юридического концепта действительности», понимаемую им как «система теоретических юридических воззрений, формально-абстрактное отображение правовой действительности... особая реальность не существующих реально объектов» [7, с. 286]. В целом данная идея является отражением позиции первой рассмотренной выше группы, то есть юридического концептуализма, сводящего реальность права к особой искусственно-юридической сфере должностования. Однако юридический концепт действительности, судя по позиции исследователя и использованию им для аргументации идеи юридического силлогизма [7, с. 287, 291, 293], является не столько онтологической характеристикой права, сколько признанием ценности операционального языка права как языка континентальной юридической догматики. Именно поэтому Г. А. Гаджиев подчеркивает ценность и обособленность этого языка ввиду его практичности, фиктивности, юридической абстрактности, формальной догматичности [7, с. 291].

Заметим, что выделение, помимо логико-нормативного иных уровней правовой реальности, не означает, что последние не опосредуются юридическим языком. Социальные, фактические правовые явления, независимо от вида правовой онтологии, всегда представляются в ней посредством юридического дискурса. То есть они также нуждаются в традиционном юридическом понятийно-категориальном оформлении, однако от этого их природа *не становится* *сузубо концептуальной*. Юридический язык ограничен в своих конструктивных возможностях; он не всегда может детерминировать природу правового явления, если только на уровне аксиоматического основания концепции сознательно не вывести всю сферу фактического за пределы юридически значимого. Например, юридические понятия, характеризующие такие личностно-правовые явления, как правовое сознание, правовое признание, личностная правовая ценность, правовое притязание, правовая воля, юридически значимый интерес и др., выражают двухсоставной характер демонстрируемых ими явлений. Сами данные явления, несмотря на то что они вводятся в сферу юридической значимости дискурсивным, логико-понятийным способом, то есть приобретают путем юридического номинирования и вменения концептуалистские, идеально-юридические характеристики и соответствующую им природу, тем не менее не утрачивают своей фактически-деятельностной основы, поскольку всегда непосредственно связаны с человеком и его поведением. Акты правового сознания, например, хотя и являются идеальными проявлениями и концептуализируются законодателем в нормах объективного права посредством терминологического указания на умысел, неосторожность, мотив, цели, законные

интересы и т. д., тем не менее не утрачивают своего фактически-деятельностного, можно даже сказать и материального содержания. Они осуществляются в реальной действительности в конкретном человеческом правовом сознании, формирующемся в практиках поведения, то есть антропологически, а не концептуально и формально-юридически. Даже в советском правоведении идеальные правовые явления, личностные психические, волевые, эмоциональные процессы, имеющие юридическое значение, рассматривались как «объективно-реальные явления», как «реально существующие факты» [15, с. 22–23]. Реализм этих актов, несмотря на идеальный характер последних, отражает их личностную, антрополого-правовую основу, то есть указывает на внеконцептуалистскую и внеконструктивистскую природу актов правового сознания.

Таким образом, антрополого-правовые понятия хотя и образуют особую концептуальную понятийно-категориальную реальность, однако не делают отображаемые ими явления одномерными, относящимися только к сфере юридической концептуальной реальности. Особенность антрополого-правовых явлений такова, что они, помимо своей юридической концептуальной значимости, имеют и личностно-правовую природу, что отражается и на способе уяснения отображающих данные явления юридических понятий. Без учета данной природы и ориентируясь лишь на концептуалистское, конструктивистское содержание юридического понятия, верное понимание сути данных правовых явлений практически невозможно, примером чему выступают понятия правовой воли и правового смысла, используемые в теории правотворчества, правореализации и толкования права. Верное понимание процесса толкования правовой нормы, уяснения ее смысла требует различать, с одной стороны, волю законодателя как проектно выраженное знаково-текстуальными средствами в тексте нормативного правового акта намерение субъекта правотворчества, его проектный правовой смысл, с другой — актуальную правовую волю субъекта понимания правового предписания, правовой смысл, формируемый правовым деятелем в актуальной юридически значимой ситуации и выступающий компонентом личностно-правового уровня человека в праве. Правовая воля в данном случае, в отличие от воли законодателя, выступает личностно-правовым актом и элементом мотивационно-волевого процесса, который выражается в возможности свободно и осознанно определять направление развития своих личностных проявлений относительно того или иного элемента правовой реальности, в частности относительно установления правового смысла нормы права. В ситуации правовой дискреции в правореализации, при столкновении с «нормами с открытой текстурой» различение данных двух волевых проявлений в праве просто необходимо. И, напротив, такие юридические понятия-конструкции, как статусы, составы, презумпции, фикции, признаки и др. и в качестве явлений, и в качестве понятий функционируют только на особом концептуальном уровне правовой реальности.

4. В определении позиции между двумя указанными группами подходов к пониманию правовой реальности в антропологии права, наряду с принципом

человекомерности права, важнейшее значение имеет и познавательный *принцип двухуровневости правовой реальности*. Как исходная установка познания, принцип двухуровневости выражает дуальную природу и соответствующий состав правовой реальности, формирующийся в антрополого-правовом подходе из институционального и личностно-правового уровней. В аналитических целях все элементы правовой реальности распределяются на два хотя и взаимосвязанных, но все же различных уровня: антрополого- или личностно-правовой уровень и институциональный уровень.

Элементы правовой реальности, которые непосредственно связаны с личностно-правовыми свойствами и характеристиками человека, составляют антрополого-правовой уровень правовой реальности. Их особенностью является то, что они не могут быть оторваны от человека в праве, поскольку по своей природе не подлежат вменению лицу через специальные процедуры юридического конструирования без утраты их антрополого-правового содержания. Однако от этого данные элементы не перестают быть правовыми, поскольку они либо направлены на юридически значимый объект, либо сами связаны с определенной юридической значимостью. К ним относятся: сама правовая личность как самостоятельный феномен; правосознание личности; правовая культура личности; личностные правовые ценности; личностный правовой смысл; составляющие мотивационно-волевого процесса — юридически значимые потребности; юридически значимые интересы; правовые мотивы; правовые цели; правовая воля; правопритязание; субъективное право, рассматриваемое в качестве личностно-правового проявления. Могут быть выделены и иные компоненты данного уровня правовой реальности в зависимости от правовой концепции (например, правовое признание, императивно-атрибутивное переживание и т. д.).

Элементы правовой реальности, которые непосредственно не связаны с правовым деятелем и его личностно-правовыми характеристиками, составляют институциональный уровень правовой реальности. Они создаются путем юридического конструирования и в своей совокупности составляют особый выделенный мир юридического должествования как обособленный уровень реальности. К элементам институционального уровня правовой реальности относятся юридические процедуры, законодательство, объективированные в позитивном праве источники права, объективированные и выраженные в письменных правовых актах правовые смыслы, государственные органы как институциональные формы осуществления права и т. д. К институциональному уровню правовой реальности можно отнести и все концептуальные правовые образования, если их рассматривать как самостоятельную часть реальности права. Их институциональный статус обусловлен природой этих образований, не связанной с правовым деятелем, способом образования, заключающемся только в использовании средств юридической концептуалистики, а также в порядке их существования и функционирования только как особого мира искусственных юридических объектов. К ним относятся презумпции, фикции, юридические и фактические составы и другие юридические

конструкции, функционирующие и сохраняющие свое субстанциальное юридическое содержание во времени. Этим объясняется, например, феномен рецепции римского права, в процессе которого и на современном этапе во многих отраслях частного права, прежде всего в гражданском праве, используются древнейшие юридические конструкции.

Выделение в антропологии права двух уровней правовой реальности в целях правового познания при одновременном утверждении в качестве главного исходного положения познания принципа человекомерности права, предполагающего, что право в целом и все его элементы в частности рассматриваются в связи с действующим в нем человеком, не означает противоречия и несовместимости данных принципов. Как уже отмечалось, все правовые явления как конструктивистской, так и деятельностно-фактической природы подлежат языковому опосредованию и лингво-смысловой интерпретации. При этом фактические, личностно-правовые явления от этого не утрачивают в своем составе фактического содержания. Человекомерность как связь всех элементов правовой реальности с правовым деятелем и его интерпретативной деятельностью не означает, что все указанные элементы переносятся в область правового сознания или правового языка. То, что правовая реальность основывается на смыслообразующем характере всех ее элементов, не означает, что реальность тождественна этому смыслу, выступающему в праве в качестве юридической концептуалистики. Фактические, деятельностные компоненты, в нашем случае — различные антрополого-правовые проявления, также остаются включенными в эту реальность и несмотря на то, что они всегда поддаются юридико-дискурсивной интерпретации, от этого не перестают быть компонентами личностно-правовой природы. Как в связи с этим отмечается в литературе, утверждение первичности смыслообразующей деятельности лица по отношению к реальности «вовсе не означает отрицания объективности внешнего мира и его предметов», которые выступают *«онтологической предпосылкой реальности»* [24, с. 82–83].

Полагаем, что в процессе правовой концептуализации фактический компонент, входящий в состав правовой реальности, не исчезает, а выступает связующим звеном правового должного с правовым сущим, норм объективного права с антрополого-правовыми свойствами лица, конкретными практиками существования, правовым поведением, конкретной социокультурной средой. В антропологической концепции права эта связь осуществляется не через нормативную систему права, а через фигуру правового деятеля. На этом основании проявляются различия в правопорядках, национальных правовых системах даже в рамках одной и той же группы правовых семей, использующих в юриспруденции одинаковый либо схожий понятийно-категориальный аппарат. В то же время типизация фактического проявляется в том, что даже в правопорядках разных правовых семей, использующих различную правовую доктрину, базовые юридически значимые деяния понимаются и юридизируются сходным образом. Например, во всех правопорядках возмездное соглашение

между лицами по поводу собственности рассматривается как договор купли-продажи, а противоправное лишение жизни человека — как убийство.

В этой связи представляется дискуссионной позиция Е. В. Тимошиной, которая, критикуя номиналистический и реалистический подходы в классической юридической эпистемологии (на примере юридического позитивизма и юснатурализма соответственно), практически всех дореволюционных правоведов отнесла к нарушающим последовательность применения этой методологии, кроме Л. И. Петражицкого, предложившего понятие нормативного факта [30]. Вслед за Л. И. Петражицким исследователь рассматривает интерпретационную деятельность лица как единственное основание констатации юридического характера социального факта на основе «интерпретации субъектом его смысла как основания возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей» [30, с. 66]. Однако наделение юридическим смыслом факта с позиции вопроса о его природе и реальности, к которой он принадлежит, еще не означает, что сама субстанциальность, то есть поведение, акты сознания утрачивают свою антрополого-правовую и событийно-деятельностную основы как составных элементов правовой реальности. В противном случае правовую реальность нужно признать только реальностью правовых понятий, то есть как идеально-концептуальную, лингво-смысловую или логико-нормативную часть действительности. Такая позиция, связанная с гиперболизацией понятия нормативного факта в учении Л. И. Петражицкого, в конечном счете имплицитно приводит к позитивистской позиции и к разрыву должного и сущего, что ведет к отчуждению правового знания от потребностей юридической практики и правовой жизни. Теоретиками права в связи с этим обращалось внимание на опасность сведения правовой реальности к ее концептуалистскому смыслу [13, с. 39–57; 26; 28].

Вывод

1. Правовая реальность является онтологической категорией, которая указывает на сферу, в границах которой осуществляется правовое бытие. В онтологическом аспекте правовая реальность представляет собой мир права, данный правовому деятелю через опыт, в гносеологическом — характеризует картину правовой реальности как ее познавательную модель. Гносеологический аспект правовой реальности, выражающийся в форме ее определенной познавательной модели, принимаемой за основу в рамках той или иной правовой концепции, обуславливает как картину мира права, так и соответствующую интерпретацию поведения участников правового общения в рамках данной познавательной модели вместе с восприятием ими права как явления. Иными словами, гносеологический аспект правовой реальности в рамках определенной правовой концепции во многом предопределяет и онтологический, то есть определенное правовое представление предполагает соответствующую интерпретацию и понимание правовой действительности.

2. Каждая общеправовая концепция обладает свойственной ей правовой онтологией и характерным для нее пониманием правовой реальности и права как явления. Для выражения сферы правового бытия, границ, в рамках которых оно осуществляется, среди всех элементов правовой реальности обычно выдвигаются базовые с позиции правовой концепции элементы, выступающие интегральными основаниями картины правовой реальности. Количество и виды выделяемых элементов могут быть различными. В частности, в качестве базовых одни исследователи выделяют идею права, норму права и правовую жизнь [11, с. 177], другие — нормативный акт, правоотношение, правосознание [14, с. 30], третьи — позитивное право, общие принципы права, а также юридические судебные и доктринальные концепции [7, с. 251]. Базовые элементы обуславливают понимание и производных элементов правовой реальности, которые зависят от базовых и интерпретируются в их контексте. В аспекте вопроса о понимании права, то есть того, в чем его сущность, какова его главная идея и смысл, базовые элементы одновременно определяют и понимание правовой реальности. Учитывая вышеизложенное, правовая реальность может быть определена как существующий мир права в совокупности составляющих его идеальных (концептуальных) и материальных (фактических) элементов, обладающих правовой значимостью вследствие различных способов их юрисдикции в рамках определенной правовой концепции.

3. В антрополого-правовой концепции в соответствии с принципом человекомерности права главным элементом правовой реальности является человек как правовой деятель. Он же выступает и центральным элементом учения о понимании права наряду с такими двумя другими элементами, обосновываемыми в антропологическом правопонимании, как норма права и факт правовой жизни. Однако для характеристики правовой реальности как границы сферы права, определенного поля проявления юридической значимости в антропологии права используется не схема антропологического правопонимания, а сама антрополого-правовая модель человека в праве. Согласно ей, человек в правовых взаимодействиях всегда представлен в совокупности своих субъектно-правовых и личностно-правовых характеристик, поэтому с учетом принципа человекомерности права и сама правовая реальность в аналитических целях представляется в качестве двухуровневого образования как синтеза личностно-правового и институционального уровней правового бытия. Данное положение выражается в принципе двухуровневости правовой реальности. Личностно-правовой уровень правовой реальности представлен правовым деятелем и связанными с ним соответствующими личностно-правовыми элементами (правовым сознанием личности, личностными правовыми ценностями, правопритязанием и т. д.). Институциональный уровень правовой реальности представлен элементами, созданными средствами юридического конструирования и представляющими сферу юридического должествования. Несмотря на то что наряду с категорией правовой реальности правоведами также используются схожие по смыслу понятия правовой среды, правового

пространства, правовой сферы и др. [1; 10; 27; 31], полагаем, что по сравнению с ними правовая реальность является наиболее предельно-абстрактной и более точной общетеоретической категорией, отражающей мир права в целом и его онтологический статус в частности.

Список источников

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фундамент повышения качества правовой среды // Образование и право. 2021. № 5. С. 89–92.
2. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 307–472.
3. Антонов М. В., Оглезнев В. В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 4. С. 42–61.
4. Борисов В. Н. Философия Аристотеля. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 1996. 70 с.
5. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
6. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. 328 с.
7. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 320 с.
8. Дидикин А. Б. История и методология аналитической юриспруденции: учеб. пособие. М.: Проспект, 2020. 136 с.
9. Лазарев В. В. Об экзистенции отечественной юридической науки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 57–64.
10. Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 5–17.
11. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография. Харьков: Право, 2002. 328 с.
12. Максимов С. И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 41–54.
13. Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 400 с.
14. Манов Г. В. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29–36.
15. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 292 с.
16. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 505–574.
17. Павлов В. И. Мир юридического позитивизма и антропологическое измерение права // Как возможна логика в праве? Коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 27–70.
18. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.

19. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
20. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: И. Д. С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 864 с.
21. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 9–42.
22. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
23. Пучков О. А. Антропологическое постижение права: монография. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. юрид. акад., 1999. 383 с.
24. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 48–98.
25. Разуваев Н. В. Три парадигмы правового познания: к юбилею профессора А. В. Полякова // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 60–67.
26. Реальна ли правовая реальность: научная дискуссия / сост. Г. Г. Бернацкий // Правоведение. 2013. № 3. С. 238–271.
27. Ромашов Р. А. Интернет-правовая среда герменевтики // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 84–96.
28. Слободнюк С. Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 40–44.
29. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.
30. Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 48–75.
31. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3 (207). С. 5–16.
32. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
33. Честнов И. Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права: монография. СПб.: СПБЮИ Ген. прокуратуры РФ, 2002. 96 с.

References

1. Agamirov K. V. Yuridicheskoe prognozirovanie kak fundament povysheniya kachestva pravovoj sredy // *Obrazovanie i pravo*. 2021. № 5. S. 89–92.
2. Al'churron K. E., Bulygin E. V. Normativny'e sistemy // *Rossijskij ezhegodnik teorii prava*. № 3. 2010 / pod red. d-ra yurid. nauk A. V. Polyakova. SPb.: I. D. SPbGU, 2011. S. 307–472.
3. Antonov M. V., Ogleznev V. V. Yuridicheskij pozitivizm i istina v prave // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2020. № 4. S. 42–61.
4. Borisov V. N. *Filosofiya Aristotelya*. Samara: Izd-vo Samar. gumanitar. akad., 1996. 70 s.
5. Vasil'ev A. M. *Pravovy'e kategorii. Metodologicheskie aspekty` razrabotki sistemy` kategorij teorii prava*. M. : Yurid. lit., 1976. 264 s.

6. Vedeneev Yu. A. *Yurisprudenciya: yavlenie i ponyatie. Vvedenie v genealogiyu yazyka konceptual'nyh paradigm: monografiya.* M.: Prospekt, 2022. 328 s.
7. Gadzhiev G. A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti): monografiya.* M.: Norma; INFRA-M, 2013. 320 s.
8. Didikin A. B. *Istoriya i metodologiya analiticheskoy yurisprudencii: uchebnoe posobie.* M.: Prospekt, 2020. 136 s.
9. Lazarev V. V. *Ob e'kzistencii otechestvennoj yuridicheskoy nauki // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii.* 2013. № 4 (93). S. 57–64.
10. Lazarev V. V. *Sudebny'j aktivizm v formirovanii pravovogo prostranstva // Zhurnal rossijskogo prava.* 2021. T. 25. № 9. S. 5–17.
11. Maksimov S. I. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmy'sleniya: monografiya.* Har'kov: Pravo, 2002. 328 s.
12. Maksimov S. I. *Klassicheskaya i neklassicheskaya modeli osmy'sleniya pravovoj real'nosti v kontekste kommunikativnoj paradigmy prava // Pravovedenie.* 2014. № 6 (317). S. 41–54.
13. Mal'cev G. V. *Nravstvenny'e osnovaniya prava: monografiya. 2-e izd., peresmotr.* M.: Norma; INFRA-M, 2015. 400 s.
14. Manov G. V. *Aksiomy' v sovetskoj teorii prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 1986. № 9. S. 29–36.
15. Matuzov N. I. *Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy' sub`ektivnogo prava.* Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1972. 292 s.
16. Novgorodcev P. I. *Nravstvennyj idealizm v filosofii prava // Problemy' idealizma. Sb. St. [1902].* M.: Modest Kolerov i «Tri kvadrata», 2002. S. 505–574.
17. Pavlov V. I. *Mir yuridicheskogo pozitivizma i antropologicheskoe izmerenie prava // Kak vozmozhna logika v prave? Kollektivnaya monografiya / pod red. M. V. Antonova, E. N. Lisanyuk, E. N. Tonkova.* SPb.: Aletejya, 2021. S. 27–70.
18. Pashencev D. A. *Modernizaciya metodologii pravovy'h issledovanij v usloviyah stanovleniya novoj nauchnoj racional'nosti // Zhurnal rossijskogo prava.* 2020. № 8. S. 5–13.
19. Pashencev D. A. *Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real'nosti kak vy`zov Leviafanu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya.* 2020. № 3. S. 34–39.
20. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava: Problemy' interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda: kurs lekcij.* SPb.: I. D. S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 864 s.
21. Polyakov A. V. *Proshchanie s klassikoj, ili kak vozmozhna kommunikativnaya teoriya prava // Rossijskij ezhegodnik teorii prava.* 2008. № 1. S. 9–42.
22. *Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya / pod obshch. red. I. L. Chestnova.* SPb.: Aletejya, 2016. 688 s.
23. Puchkov O. A. *Antropologicheskoe postizhenie prava: monografiya.* Ekaterinburg: Izd-vo Ur. gos. yurid. akad., 1999. 383 s.
24. Razuvaev N. V. *Pravo: social'no-konstruktivistskij podhod // Pravovedenie.* 2015. № 5. S. 48–98.
25. Razuvaev N. V. *Tri paradigmy' pravovogo poznaniya: k yubileyu professora A. V. Polyakova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 2015. № 3 (75). S. 60–67.
26. *Real'na li pravovaya real'nost': nauchnaya diskussiya / sost. G. G. Bernackij // Pravovedenie.* 2013. № 3. S. 238–271.
27. Romashov R. A. *Internet-pravovaya sreda germenevtiki // Leningradskij yuridicheskij zhurnal.* 2016. № 4 (46). S. 84–96.

28. Slobodnyuk S. L. Pravovaya real'nost', pravosoznanie i mnimost' ponyatijny'h smy'slov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 1. S. 40–44.

29. Sociokul'turnaya antropologiya prava: kollektivnaya monografiya / pod red. N. A. Isaeva, I. L. Chestnova. SPb.: Alef-Press, 2015. 840 s.

30. Timoshina E. V. Pravo kak «ideya», kak «fikciya» i kak «fakt»: o nominalizme i realizme v teorii prava // Trudy Institutu gosudarstva i prava RAN. 2013. № 4. S. 48–75.

31. Tihomirov Y. A. Prognozy i riski v pravovoj sfere // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 3 (207). S. 5–16.

32. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya. SPb.: Alef-Press, 2012. 650 s.

33. Chestnov I. L. Sovremennye tipy pravoponimaniya: fenomenologiya, germenевtika, antropologiya i sinergetika prava: monografiya. SPb.: SPbYUI Gen. prokuratury RF, 2002. 96 s.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2023;
одобрена после рецензирования: 19.02.2023;
принята к публикации: 22.02.2023.

The article was submitted: 06.02.2023;
approved after reviewing: 19.02.2023;
accepted for publication: 22.02.2023.